
ИМЕНА

Петр Бернгардович Струве

Теория капиталистического развития П. Б. Струве¹

Понятия «капитализм» и «капиталистическое развитие» всегда рассматривались в России в отрыве от реальной жизни. Исторически существование капиталистических институтов в стране было очень недолгим: банковское дело и кредит, векселя и акционерные компании — все это появилось уже в довольно позднее время и чаще всего под давлением правительства. Действительно, само понятие частной собственности пришло в Россию лишь после того, как она стала величайшей в мире империей. Достаточно сказать, что русское слово «собственность» вошло в языковой оборот в начале XVIII в. при Петре Великом, когда возникла необходимость в связи с управлением недавно завоеванной Ливонии перевода на русский язык в официальных документах немецкого термина «Eigentum». До того времени русские обходились средневековым словом «вотчина», которое, хотя в некотором отношении и аналогично римскому «dominium», все же гораздо ближе по смыслу понятию «patrimonium», поскольку означает не только находящееся в личном пользовании имущество, но также и право распоряжаться им и потомственное владение боярского рода.

Незнакомство России с капитализмом до середины XIX в. было обусловлено не отсутствием у нее опыта торговли. Русские всегда имели большую склонность к коммерческой деятельности. Западные путешественники по Московии не переставали удивляться готовности русских покупать и продавать, начиная с царя и именитейших дворян и кончая крестьянином самого низкого происхождения, не исключая при этом и духовенство. Но такого рода торговля осуществлялась на очень примитивном уровне и представляла собой бартер, т. е. меновую торговлю, а если не бартер, то продажу (или покупку)

¹ В основе этой статьи лежит двухтомная биография Струве: Struve, liberal on the left. Cambridge (Mass.), 1970; Struve, liberal on the right. Cambridge (Mass.), 1980. Впервые она была опубликована в нескольких ином варианте: Annali: 1973. Feltrinelli Inst. Milan, 1974. P. 483-493.

товаров за наличные. Находясь в стороне от мировых торговых путей, Россия не имела доступа к слитковому золоту или серебру, имевшему хождение в Западной Европе, особенно после открытия Южной Америки. Она также не добывала своего собственного золота или серебра вплоть до начала XVIII в. Примером того, насколько примитивным был уровень русской коммерции в то время, является тот факт, что в России до 1860 г. не существовало ни одного коммерческого банка. Что касается промышленности, то до второй половины XIX в. ее либо основывало государство, на которое она и работала, либо она находилась в руках помещиков и крепостных, зарабатывавших на ней деньги и не стремившихся развить капиталистический дух или создать соответствующие такому духу институты.

Поэтому, когда русская интеллигенция 1830–1840-х гг. впервые заинтересовалась социалистической и анархистской литературой, она почерпнула из нее сведения о вещах, с которыми не сталкивалась на собственном опыте. В России не было ничего похожего на *grande bourgeoisie* Июльской монархии во Франции или ранней викторианской Англии. Даже Москва, первейшая деловая столица империи, не являлась оплотом буржуазии — ее управление находилось в руках той же самой бюрократии, которая господствовала в сельской местности, и среди ее жителей было гораздо больше крепостных, чем торговых людей, многие торговцы были выходцами из деревни. В тогдашней России не было видимой цели, на которую человек, преисполненный антикапиталистического духа, мог направить свои устремления. Капитализм и его носители представляли собой абстракции, о которых было известно главным образом из книг, брошюр, газет и дебатов в европейских революционных парламентах 1848–1849 гг. Это было то, что *там* вызывало ненависть, но что *здесь* можно было лишь пытаться не допустить.

Изучая радикальную литературу, русские интеллигенты проявляли самый большой интерес к процессу образования капитала и ко всем явлениям, сопровождавшим переход общества от феодального к капиталистическому. Эта тема, естественно, была наиболее близка им, поскольку ими руководило страстное желание не допустить капитализм на российскую почву. Именно по этой причине они испытали столь сильное увлечение экономическими сочинениями Маркса: в них они открыли для себя казавшееся научным объяснение того, каким образом возникли капиталистические институты, которые, неумолимо следуя заложенным в них свойствам, подчинили себе все общество. Необходимо отметить, что теории Маркса стали популярными в России задолго до начала «марксистского», или социал-демократического, движения. С Марксом русское общество познакомилось благодаря народникам, которые и популяризировали его учение. При активной поддержке Маркса они пытались применить

его идеи в стране, которую мы назвали бы сегодня слаборазвитой. Но использование ими Маркса было односторонним. Народники игнорировали все то положительное, что Маркс видел в капитализме, в том числе его философию истории и политику. Их более всего занимало, нередко в ущерб всему остальному, то, что можно было бы назвать его диагностическим анализом. Они приняли определение капитализма Маркса, включающего в себя отделение рабочего от средств производства, сосредоточив внимание на процессе разделения труда. Народники пристально следили за этими двумя моментами: пока сельская община в России обеспечивала крестьянину доступ к земле и промышленное производство находилось преимущественно в руках сельских групп, занятых мелкокустарным промыслом, опасаться было нечего. Поскольку консерваторы испытывали такую же неприязнь к капитализму, как и радикалы, в России можно было встретить ученых-экономистов с ярко выраженными антирадикальными взглядами, прибегавших к марксистской терминологии и методу экономического анализа. Эта довольно необычная ситуация объясняет, почему Маркс с гордостью говорил Зорге в 1880 г., что его «Капитал» гораздо больше читают и используют в качестве руководства в России, чем в какой-либо другой стране.

В 1861 г. царское правительство отменило крепостное право и тем самым сделало шаг, который, по мнению русских радикалов, должен был навсегда оградить страну от капитализма. Стремясь главным образом найти замену помещика в сборе крестьянских налогов и поддержать порядок в деревне, правительство не передавало освобожденным крестьянам их земельных наделов в полную собственность, но предоставляло землю в распоряжение сельской общины, с которой крестьянин теперь был связан столь же тесно, как прежде он был связан с помещиком. Община платила государству налоги и несла другие повинности коллективно, что означало, что она должна была обеспечить каждое крестьянское хозяйство достаточным количеством земли, чтобы оно могло соучаствовать в несении общинных повинностей. Это обеспечивалось с помощью периодических переделов земельных полос, в ходе которых надел каждой крестьянской семьи либо увеличивался, либо уменьшался в зависимости от того, возрастало или сокращалось число ее душ по сравнению с предыдущим переделом. Теоретически такой порядок, лишь узаконивший старый крестьянский обычай, гарантировал каждому русскому крестьянину, а крестьяне составляли восемь десятых всего населения страны, достаточное количество земли, чтобы он мог прокормить себя и в то же время отправлять государственные повинности. Безземельное крестьянство при такой системе не должно было существовать. Общинная земля не подлежала продаже. Крестьяне могли брать землю в аренду или покупать ее у помещиков и других землевладельцев,

но они не имели права отчуждать свои общинные наделы. Иными словами, «трудящимся массам» России, производителям, обеспечивался прямой доступ к средствам производства. Тот факт, что многие русские крестьяне также занимались интенсивным мелкокустарным промыслом, и то, что почти все они могли обеспечить себя необходимой одеждой и сельскохозяйственным инвентарем, казалось, в еще большей степени гарантировал, что разделение труда, являвшееся одним из основных зол капитализма, не сможет прижиться в России. Всю эту систему русские публицисты второй половины XIX в. называли «народным производством» и рассматривали как вполне приемлемую альтернативу капитализму.

К 1880 г. эта идиллическая картина уже стала меркнуть. Статистики, прилежно собиравшие сведения обо всех аспектах сельского хозяйства, начали замечать тенденции, шедшие вразрез с общими ожиданиями. Переделы земли происходили все реже и реже; все большее число крестьян, которые не могли прокормить себя со своих наделов, покидали деревни и нанимались на работу к частным землевладельцам или уходили в город на заработки. Зажиточные крестьяне нанимали работников; кустарные промыслы, не выдерживая конкуренции с набиравшим силу фабричным производством, постепенно хирели. Все показатели, казалось, указывали на то, что в русской деревне происходит классовое расслоение, а в стране в целом — переход к разделению труда в широких масштабах.

Приводя эти данные и доводы, группа русских публицистов радикального толка, наиболее активных в 1880-е и в начале 1890-х гг., обрушилась с критикой на экономическую политику царского правительства, особенно на Министерство финансов. Возглавлявший эту группу Н. Ф. Даниельсон (Николай) считался в то время главным толкователем марксизма в России, репутация, которую он приобрел как переводчик «Капитала» и убежденный сторонник аналитического метода Маркса. Другим влиятельным теоретиком, входившим в эту группу, был В. Воронцов (В. В.). Позиция Даниельсона и Воронцова и их сподвижников сводилась к следующему. Капитализм в России не естественное явление по причине отсутствия в стране рынка. Внутренний рынок, еще очень слабый, подрывается крупной капиталистической промышленностью, которая уничтожает кустарный промысел и тем самым разоряет крестьянство, главного потребителя российской экономики. Что касается внешних рынков, то они уже были захвачены западными странами, вступившими на капиталистический путь намного раньше России. Если капитализм все же и заявляет о своих притязаниях, то виновата в этом правительственная политика, особенно распространившаяся практика установления протекционистских тарифов и выдачи субсидий, нереалистичное налогообложение деревни и недостаточные инвестиции в сельское

хозяйство. Царское правительство фактически разрушало самое привлекательное в «Манифесте» 1861 г. об освобождении крепостных крестьян, подрывая основу «народного производства» и насильственно насаждая капитализм, роль которого в России была чисто деструктивной. Голод в стране в 1891–1892 гг., казалось, подтверждал такую точку зрения. Продолжение подобной политики могло лишь привести к массовой безработице и разорению страны. Мимоходом следует отметить, что становление Ленина как революционера происходило в среде, где господствовали именно такие представления. Даже после того как Ленин вступил в Социал-демократическую партию, он продолжал рассматривать капитализм как деструктивную силу, хотя, конечно же, и приветствовал приписываемые капитализму пороки, будучи заинтересованным не в благосостоянии крестьянства, подобно Даниельсону и Воронцову, а в создании условий, благоприятных для социальной революции.

Все сказанное выше необходимо иметь в виду, если мы хотим понять взгляды Струве на капитализм, поскольку они сложились в атмосфере полемики, рассматривавшей капитализм исключительно негативно. Именно поэтому Струве приходилось постоянно подчеркивать конструктивную сторону капитализма и его необходимость как предпосылки подлинного социализма. И если под влиянием своего характера, которому была несвойственна половинчатость, он порой говорил как социалист, выступающий в роли апологета капитализма, это объясняется той бескомпромиссной антикапиталистической позицией, которую занимали по этому вопросу ведущие российские социалисты того времени.

Струве был выходцем из семьи ученых и высших государственных чиновников, переселившихся в Россию из Германии в начале XIX столетия. Свое детство и юность он провел в весьма космополитической среде, ориентированной на западную культуру. С 9 до 12 лет (1879–1882) он посещал школу в Штутгарте. Без преувеличения можно сказать, что он чувствовал себя как дома и в Западной Европе и в России, при этом в некотором отношении Струве было бы правильнее отнести скорее к германской традиции мысли, нежели русской. Тем не менее, несмотря на его западные корни, он был не вполне готов к тому зрелищу бурно развивающегося капиталистического общества, которое открылось ему в 1890 г. при посещении Германии: «Когда десять лет тому назад я впервые сознательным и взрослым человеком попал за границу, и между прочим в Берлин, я был ошеломлен прежде всего интенсивностью материальной культуры Запада. Впечатления эти были, впрочем, для меня не вполне новы: я вырос отчасти в Германии и с внешним строем западноевропейской жизни был уже знаком. До известной степени мне был не чужд и внутренний склад или, выражаясь заезженным

словом, „психология“ немецкой жизни. Но, несмотря на это, и тогда богатство и интенсивность материальной культуры и удивительная, доходящая до подчинения, приспособленность к ней западного человека произвели на меня громадное и неизгладимое впечатление».²

Обучаясь в университете, Струве проявлял большой интерес к экономической истории. Чем более пытался он разобраться в сложностях зрелого капиталистического общества на примерах Англии, Германии и Североамериканских Соединенных Штатов, тем отчетливее осознавал, сколь поверхностно и односторонне трактовалось в русской литературе понятие капитализма. Внимательно изучая труды Маркса, Энгельса и их западных последователей, он пришел к пониманию того, насколько искажены были теории «научного социализма» в его стране с целью приспособить их к тому, что он считал русским вариантом «утопического социализма». В результате Струве начинает выступать с критикой современных русских социалистических учений, которые он назвал «народническими», сперва в небольшом кружке университетских друзей, затем на страницах влиятельных журналов, которые он редактировал, а также с кафедры Вольного экономического общества. Его первая книга, опубликованная в 1894 г., «Критические заметки к вопросу о экономическом развитии России» заканчивалась примечательными словами: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Хотя впоследствии это высказывание часто вырывалось из контекста, оно вполне может служить эпитафией взглядам Струве: капитализм — это прежде всего великая культурная сила, без которой нельзя создать социализм. При этом слово «культура» понималось в самом широком смысле, охватывающем также все, что связано с материальным существованием человека.

Довольно рано Струве пришел к выводу, что «народное производство» — это миф: его никогда не было ни в России, ни в какой-либо другой стране. Россия после 1861 г. была страной, лишь частично освободившейся от множества различных крепостнических или связанных с крепостничеством институтов. В 1861 г. правительство покончило с крепостным правом, но не с крепостным хозяйством — Струве был первым, кто подметил это различие и ввел его в русскую экономическую литературу. Из-за общинной организации сельского хозяйства и низкой производительности труда русский крестьянин продолжал пребывать в состоянии экономической зависимости, напоминавшей кабальную. Принципы освобождения крепостных крестьян, столь восхищавшие противников капитализма в России, являлись фактически компромиссом, сохранявшим некоторые из худших

² Струве П. Б. Заметки о Гауптмане и Ницше (1901) // На разные темы. СПб., 1902. С. 278.

экономических черт, присущих старой системе ведения сельского хозяйства. Чтобы стать полностью свободным, русскому крестьянину все еще было необходимо обрести экономическую свободу, а ее ему могло дать не государство, но только капитализм.

Анализируя ситуацию 1890-х гг., Струве считал, что аграрный кризис, переживаемый в ту пору Россией, прямым следствием которого стал разразившийся в начале этого десятилетия голод, был прежде всего вызван сельским перенаселением. Общинная организация сельского хозяйства вынуждала жить на земле большее количество людей, чем земля могла прокормить. Если бы правительство отменило общинные ограничения и позволило торговать общинной землей, оно облегчило бы процесс, который так или иначе происходил под влиянием экономического прогресса, и прежде всего строительства железных дорог. Причиной голода 1891–1892 гг. были не поддержка государством капиталистического производства и отсутствие земельных инвестиций, но мучительное рождение более рационального сельского хозяйства, в ходе которого устранялось все излишнее и малоэффективное и динамические элементы брали верх в деревне. Избыточное сельское население превращалось в трудовой резерв и в конечном счете создавало рынок для сельскохозяйственной продукции. Отчуждение производителя от средств производства, которое, по предсказанию Маркса («Капитал», т. 1, главы 26–27), должно было произойти прежде всего в сельском хозяйстве, начало распространяться по всей России. Оно шло на пользу стране и было неизбежным — этот процесс нельзя было остановить или задержать. Он даст России эффективное сельское хозяйство, основанное на рациональном использовании ресурсов и имевшее солидный городской рынок.

Развитие капиталистической тяжелой промышленности, по поводу которой Даниельсон и его единомышленники так сокрушались, Струве также считал прогрессивным явлением. Он совсем не разделял мнение о том, что оно подрывает свой собственный внутренний рынок, разрушая кустарный промысел, служивший важным источником дохода крестьян. На Струве произвело глубокое впечатление изучение американской промышленности, показывавшее, как она с помощью политики высокой заработной платы стимулировала и расширяла рынок на собственные товары. Струве полагал, что Россия в своем экономическом развитии будет ориентироваться скорее на американскую, чем на английскую модель, с тем чтобы обеспечивать себя как промышленными, так и сельскохозяйственными товарами, опираясь в основном на внутренний рынок. Но в то же время он не собирался полностью исключать использование внешних рынков; он считал, что Россия имеет достаточно хорошие конкурентные возможности на Ближнем Востоке. Струве, однако, не слишком занимала

проблема рынков, поскольку это была сфера компетенции его друзей — М. Туган-Барановского и В. И. Ленина, причем последний в то время находился под его довольно большим интеллектуальным влиянием. Столь же мало беспокоил его и рост трудовой специализации, сопровождавший капиталистическое развитие. В отличие от своих оппонентов, которые считали, что только человек, занимающийся разнообразным трудом, является истинно гармоничной личностью, он полагал, что капитализм, обогащая культурную среду и увеличивая возможности выбора для человека, делает его более совершенным существом. Следуя идеям Георга Зиммеля, высказанным в его книге «Die Soziale Differenzierung», он доказывал, что, живя в сложном современном мире, человек гораздо лучше реализует себя, чем если бы он находился в примитивных экономических условиях.

В целом, таким образом, нельзя было сомневаться в той огромной пользе, которую развитый капитализм нес России. И хотя и до Струве были русские авторы, отмечавшие при случае цивилизаторскую роль капитализма, например Белинский, Петрашевский и Писарев, ни один русский мыслитель до него не приписывал капитализму столь жизненно важной исторической миссии. Общим для консерваторов и радикалов было то, что они стремились идеализировать справедливость и игнорировали экономическую среду, которая только и способна придать смысл социальной справедливости. Струве жаловался, что русские интеллигенты настолько увлеклись справедливым распределением товаров, что забыли при этом о производительности. Его друзья социал-демократы, соглашаясь в принципе, что Россия должна пройти через капиталистическую стадию развития, были склонны рассматривать капитализм как своего рода чистилище, которое чем скорее останется позади, тем лучше. Но для Струве капитализм был гораздо больше, чем чистилище. Он являлся школой, которая должна была дать русским то, чего им недостает, чтобы стать истинно цивилизованными людьми: прилежания, чувства ответственности, уважения к закону и частной собственности и многих других добродетелей, способствовавших величию Западной Европы. Только капитализм, по мнению Струве, способен избавить Россию от ее «азиатчины». В немалой степени именно благодаря его заразительному энтузиазму, подкрепленному эрудицией, нарождавшееся социал-демократическое движение выступило в поддержку капиталистического развития с решимостью, которую сочли бы неуместной на Западе, где подобной поддержкой занимались «буржуазные» партии.

В своих взглядах на отношение между капитализмом и социализмом Струве исходил из основных принципов марксистского учения, разработанных Каутским, Бернштейном и Плехановым. Но его самобытный, пытливый ум никогда не довольствовался догмой. Почти с

того момента, как Струве стал социалистом, т. е. с 18-летнего возраста, еще гимназистом, он начал подвергать критическому переосмыслению марксистскую теорию общественной эволюции, что скоро выдвинуло его в первые ряды европейских ревизионистов.

Наиболее привлекательной для Струве чертой марксизма был его бескомпромиссный реализм. Марксизм представлялся ему учением, основательно очищенным от всех метафизических элементов и этических рассуждений, занимавших такое большое место у русских народников, и потому строго отвечавшим требованиям науки. Однако он считал несовместимым с научным духом марксизма понятие «диалектики», которое Маркс и Энгельс заимствовали у Гегеля. Диалектика вносила, по его мнению, резкий метафизический диссонанс в то, что в остальном было логически безупречным научным построением. Она была несовместима с марксизмом. Очень рано Струве начал искать философскую теорию, которая бы отвечала современным научным требованиям, и он нашел ее в неокантианстве, в наиболее бескомпромиссной из его школ — позитивистском учении, развитом Алоизом Рилем. Струве полагал, что соединение философии Рилиа с экономикой и социологией Маркса создало бы превосходную систему. В своих «Критических заметках» он давал понять, не входя в подробности, что это необходимо сделать. Принятие неокантианства вместо искаженного Марксом гегельянства оказало сильное влияние на весь образ мышления Струве, особенно на его представления о переходе от капитализма к социализму. С самого начала он отверг идею насильственной социалистической революции. Но в отличие от Фольмара, Бернштейна и других ревизионистов Струве сделал это на основе логики, а не из прагматических соображений. И дело было не в том, что развитие капитализма, опровергая некоторые из основных предвидений Маркса, исключало возможность социальной революции: такая революция была невозможна по существу. Она просто не смогла бы произойти.

Взгляды Струве по этому вопросу были наиболее полно изложены в его блестящей статье, опубликованной в 1899 г.³ В ней формулировался ряд аргументов против самого понятия социальной революции, из которых, по мнению Струве, особого внимания заслуживали два.

Первый из них относился к тому, что Струве рассматривал как основное противоречие между экономическим материализмом и теорией общественной эволюции Маркса. Экономический материализм предполагал, что «способ производства определяет общественную <...> жизнь». Предсказание неизбежности социальной революции, одна-

³ *Struve P. B. von. Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung // Arc. Soz. Gesetzgebung und Statistik. 1899. Bd. 14. S. 658–704.*

ко, исходило из углубляющегося противоречия между способом производства данного общества и его общественной надстройкой. Но как такое противоречие было возможно? Было бы совершенно нелогично представлять его себе в виде противоречия между причиной и следствием. Одно из двух — либо теория экономического детерминизма является ошибочной и способ производства в действительности не определяет общественную жизнь и остальную часть надстройки, либо она является правильной и такого противоречия не существует, т. е. общественная жизнь не может сильно отставать от способа производства. Поскольку Струве считал теорию экономического детерминизма правильной, он был вынужден отбросить теорию социальной революции как *non sequitur*. Единственно верный вывод состоял в том, что производство и общество находятся в состоянии «постоянного частичного столкновения и приспособления друг к другу», иными словами, они движутся вперед как пара лошадей в одной упряжке, когда одна из них следует позади другой на близком от нее и всегда одинаковом расстоянии. Логически из экономического детерминизма вытекает, что общество может развиваться только путем эволюции, продвигаясь вперед с помощью множества маленьких шагов в одном и том же направлении.

Второе возражение против теории революции Маркса было тоже чисто логическим. С точки зрения критической философии утверждение, что явление с помощью диалектического процесса превращается в свою противоположность, является абсурдным. Цитируя Рила, Струве заявляет, что причинно-следственная связь обязательно предполагает превращение причины в следствие. «Как в математическом уравнении мы имеем одну и ту же величину как справа, так и слева (от знака равенства), так причина вновь появляется в следствии, но уже в иной форме».⁴ Если это так, то социологии приходится оперировать терминами, заимствованными из языка эволюции, и рассматривать любое изменение не как устранение или отвержение, а как поглощение (абсорбцию). Социализм должен появиться как продукт капитализма. Капитализм должен самостоятельно эволюционировать в более высокий социальный порядок и раствориться в нем. Таким образом, законы логики подтверждают принципы экономического детерминизма.

Абсурдность диалектических скачков наглядно проявляется, по мнению Струве, в том, как революционные марксисты оценивают роль пролетариата во время перехода от капитализма к социализму. Согласно известной формулировке Маркса, социальная революция произойдет тогда, когда в силу необратимых процессов, порожден-

⁴ *Riehl A. Der philosophische Criticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. Leipzig, 1876-1887. Bd. II. Th. I. S. 256.*

ных капитализмом, бедственное положение пролетариата достигнет крайней нижней точки, т. е. когда пролетариат окажется в наиболее угнетенном, полуживотном состоянии. Но если это так, то как можно ожидать, спрашивает Струве, чтобы столь униженный, столь невежественный и столь дегуманизированный класс смог совершить революцию, которая требует высочайших этических норм, и затем приступить на развалинах старого строя к утверждению нового социального порядка, которому требуется высочайший интеллект и человечность? Где самый угнетенный и забитый в истории человечества класс сможет найти средства для создания общества, которое навсегда покончит с угнетением и жестокостью? Подобная мысль казалась нелепой. Следовательно, утверждает Струве, рабочему классу придется медленно, шаг за шагом, двигаться к власти, постепенно улучшая свои условия в экономическом, политическом и культурном отношениях. Лишь с помощью социальных реформ, путем уступок, вырванных у государства и имущих классов, постепенно совершенствуя себя, рабочий класс сможет исполнить свое историческое предназначение. Струве отмечал с удовлетворением, что Маркс в отдельных случаях одобрял реформы, направленные на улучшение участи рабочего при капитализме, даже если они подрывают принцип прогрессирующей пауперизации, с которой он связывал надежды на социальную революцию. Он считал, что в этих случаях чутье не подводило Маркса.

Несмотря на свое увлечение капитализмом, Струве видел некоторые опасности, тающиеся в нем. В отрывке, написанном в духе Макса Вебера, он предостерегал от того, к чему может привести развитие современной техники в обществах, где отсутствуют политические свободы: «Никогда, ни в одну историческую эпоху отсутствие у личности отверженных в праве прав не грозило такою культурною опасностью, как в век огромных государств с превосходною сетью железных дорог, телеграфов, телефонов, с их точно работающим, „просвещенным“ бюрократическим „аппаратом“. Современная техника, конечно, оказывает огромные услуги личности и ее смелым исканиям новых путей и содержания жизни. Но недаром она основана на принципах концентрации и централизации силы, девиз которых: у кого мало, у того отнимется и малое, у кого много, тому и дастся многое. Там, где централизованный государственный механизм заведует всем, указывает всему предел и меру, всюду проникает, все улавливает, управляет настоящим и стремится преднаправить будущее, — там современная техника (в широчайшем смысле этого слова) неизмеримо больше идет на пользу централизованному аппарату власти, чем самостоятельной личности.

Если „христианство не нуждалось ни в свободе печати, ни в свободе собраний для того, чтобы завоевать мир“, то только потому,

что оно пользовалось в сущности почти беспредельной свободой слова и общения. В те эпохи, когда технические средства государства и власти были крайне несовершенны и произвол не был еще упорядочен, его господство было гораздо менее всеобъемлющим и потому менее вредным для культурного и в особенности для духовного творчества, чем в наше время. Не было ни книг, ни журналов, ни газет, но зато не было ни цензуры, ни полиции, и не могло их быть, потому что и эти учреждения требуют для своего развития и усовершенствования известных технических средств. Известно, что в классической стране свободы печати цензура пала не только или не столько вследствие ясного сознания ее неправомерности как таковой, сколько в силу технических несовершенств полицейского аппарата, ее осуществлявшего и не сумевшего устранить „мелких несправедливостей, вымогательств, придинок, стеснения торговли, квартирных обысков“. Ссылаясь на эти неудобства, палата общин отказалась возобновить „Акт о разрешении“. „Таковы были аргументы, — говорит Маколей, — которые сделали то, что не удалось Мильтоновой Ареопагитике“. Английская свобода вообще исторически связана с неповоротливостью государственного, или, иначе, административного, аппарата Англии.

Отсюда ясно, что там, где субъективные права не отвержены в праве, технический (в широком смысле слова) прогресс, подхватываемый и усваиваемый всего лучше и полнее централизованным государственным аппаратом, в некоторых, и очень существенных, отношениях ухудшил и ухудшает позицию личности как творца новой культуры, как искателя новых путей». ⁵

Эти слова, написанные в 1901 г., выражают тревогу, которая постепенно охватывала Струве, по мере того как он наблюдал, как российская монархия и бюрократия вырабатывали наиболее утонченные способы борьбы с революционным движением. Его прежняя наивная вера в то, что капитализм сам по себе сможет либерализовать страну, отступала перед осознанием способности современного государства, независимо от того, кто и в чьих интересах управляет им, использовать технические достижения с целью усиления своей мощи за счет подавления свобод граждан. Примирение современной техники с правами человека, писал он, является «основной проблемой современной русской культуры». Мало кто из его современников пришел, подобно ему, к пониманию того, что можно было бы назвать тоталитарным потенциалом развитой промышленной экономики, и такой подход находился вне поля зрения даже теоретически наиболее подкованной части русских социал-демократов.

⁵ Струве П. Б. В чем же истинный национализм? // На разные темы. С. 552–554.

В качестве ретроспекции необходимо отметить, что понимание Струве как выгод, так и опасностей капитализма для России позволило ему занять совершенно особое место в истории русской мысли. Он был по существу единственным среди русских социалистов, кто рассматривал капитализм не как абсолютное зло и не как «промежуточную станцию» на пути к социализму, но как необходимый этап в развитии человеческой культуры, предшествующий социализму. В этом отношении он пошел дальше Плеханова, для которого основные достижения капитализма были в области экономики. И конечно же, намного дальше Ленина. Ленин, чье понимание капитализма восходило к традиции Даниельсона—Воронцова, отвергал взгляды Струве как апологетические. Но уже вскоре после того, как Ленин пришел к власти и попытался навязать социализм отсталой стране, он имел возможность осознать то, чего не доставало его стране, поскольку она слишком поспешно прошла стадию первоначального капитализма и не сумела в полной мере вкушать плоды его цивилизаторской миссии. Ленин был в ярости от «полуазиатской бескультурности» Советской России.⁶ Но при том режиме, который он установил и который основывался на насилии, не существовало возможности сформировать такую культуру, которая, как предсказывал Струве, была нужна социализму.

Перевод А. И. Андреева

*Ричард Пайнс
Гарвардский университет*

Экономическая теория в работе П. Б. Струве «Хозяйство и цена»

«Хозяйство и цена» — основной экономический труд П. Б. Струве — представляет собой магистерскую (I том) и докторскую (II том) диссертации автора, вышедшие в 1913 и 1916 гг. соответственно.⁷

Книга является определенным итогом, логическим завершением научной работы этого русского экономиста и мыслителя. Отдельные ее главы издавались в виде статей и до выхода всей книги, но, как подчеркивает автор, «всякий раз — как части некоторого большого плана». Таким образом, «Хозяйство и цена» — это не просто сборник статей, а цельное произведение, пронизанное изначально существующим видением закономерностей, лежащих в основе хозяйственной жизни.

Давайте рассмотрим, в чем заключалось содержание и логика экономической теории Струве.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 364, 390.

⁷ Струве П. Б. Хозяйство и цена. М., 1913. Ч. 1; М., 1916. Ч. 2. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию.

Теория хозяйства

Начинается книга с «самостоятельного построения системы категорий» политической экономии — в центре внимания оказываются хозяйство, хозяйственный и социальный строй.

Понимая под *хозяйством* «субъективное телеологическое⁸ единство рациональной экономической деятельности», Струве отвергает сложившееся разделение хозяйства на *народное, городское и домашнее*.

Главным является «наличность хозяина», который и образует само понятие хозяйства. Такое «истинное хозяйство» только домашнее хозяйство. А народное и городское есть не хозяйства, говорит Струве, но «псевдохозяйства», простая совокупность «истинных хозяйств».

В основе всей хозяйственной жизни, по сути, находится «истинное хозяйство», которое, взаимодействуя с другими подобными хозяйствами, и образует так называемое народное хозяйство. Отождествление же и сравнение «народного» и «истинного» хозяйств является для Струве грубейшей методологической ошибкой, которая направляет весь ход экономического анализа «по ложному следу».

Далее, от хозяйства Струве переходит к *хозяйственному строю*, классифицируя его по признаку автономии «хозяйствующих субъектов» на три следующих типа: 1) *совокупность рядом стоящих хозяйств* (то, что называется еще натуральными хозяйствами), 2) *система взаимодействующих хозяйств* (именно этот тип хозяйственного строя изучает экономическая наука), 3) *субъективное телеологическое единство* (т. е. коллективизм, общество-хозяйство).

Здесь П. Б. Струве отмечает важность разделения таких понятий, как «хозяйственный» и «социальный» строй. *Социальный строй* в отличие от хозяйственного «характеризуется отношениями господства и подчинения между человеческими индивидуальностями». Следовательно, отсюда получается, что возможны различные комбинации типов хозяйственного и социального строя.

Разделение «истинного хозяйства» и «псевдохозяйства», хозяйственного строя и социального строя, с точки зрения Струве, является важнейшим методологическим моментом, так как «принципы и категории, которые выражают основные явления хозяйства в смысле телеологического единства <...> должны быть исследованы в чистом виде». Струве разделяет эти принципы и категории на следующие.

1. *Категории чистого хозяйствования* (выражают «экономическое отношение всякого хозяйствующего субъекта ко внешнему

⁸ Телеологическое (от гр. telos — цель) — подчиненное достижению некоторой определенной цели.

миру»). Основными категориями здесь выступают субъективная ценность, потребность, издержки, труд и т. д.

2. *Категории межхозяйственные* (образуются на основе взаимодействия автономных хозяйств). Основная межхозяйственная категория — цена.

3. *Категории социальные*. Тем самым подчеркиваются хозяйственная деятельность индивида в «...отношении <...> ко внешнему миру и его отношение к самому себе». Первое его отношение обусловливает его зависимость от «объективных» сил и законов природы. Второе, наоборот, определяет собой явления субъективно-индивидуальные.

Сделанные выводы приводят Струве к формулировке основного дуализма общественно-экономического процесса, к идее естественно-го закона: «...в едином общественно-экономическом процессе есть два ряда явлений, в каждый данный момент, или, вернее, в каждом изучаемом отрезке времени существенно отличающихся один от другого. Один ряд, могущий быть рациональным, то есть направленным согласно воле того или иного субъекта, другой ряд, не могущий быть рационализированным, протекающий стихийно, вне соответствия с волей какого-либо субъекта». Таким образом, Струве приходит к невозможности практического осуществления полной рационализации общественно-экономического процесса. Этой формулировкой «естественного закона» Струве заканчивает построение основных категорий экономической науки и приступает к исследованию проблемы «цена—ценность».

Теория «цены—ценности»

Теория «цены—ценности» является для Струве «ключом» к переосмыслению основных проблем экономической науки. С точки зрения Струве, существуют два диаметрально противоположных подхода к отношению цены и ценности благ: так называемые метафизическая и эмпирическая идеи.

Суть метафизической идеи, возводящей цену к ценности, в формулировке Струве заключается в следующем: «...блага обмениваются и могут обмениваться потому, что в них есть нечто общее. Эта общая субстанция и есть ценность». Этот подход ведет свое начало от Аристотеля и находит высшее выражение у Маркса (субстанцию ценности образует застывший в товаре труд).

Критикуя метафизическую идею, Струве приводит в качестве контраргумента единственно верный эмпирический, или статистический, способ решения этой проблемы: «...равенство между товарами, или благами, создается в самом процессе обмена, и только в нем. Никакой общей субстанции и никакого равенства, предшествующего обмену, нет и быть не может».

«Совершенно ясно, — продолжает Струве, — что с этой точки зрения ценность вовсе не управляет ценами. Образованию цен, в конечном счете, предшествуют только психические процессы оценки. Ценность же образуется из цены».

Но что же такое ценность, по мнению Струве?

Ценность — это норма, «понятие идеального, или должного, соотношения между благами в процессе обмена». В зависимости от происхождения этой нормы Струве различает два вида ценности.

Нормативная ценность — это этически или юридически определенная норма. Ее происхождение: «оценочное веление власти—нормативная ценность—цена». Нормативная ценность — это «указная» (т. е. назначенная сверху) цена.

Типическая ценность — это цена, в действительности уплачиваемая, которая соотнобразует с «обычной» или фактической нормой. Ее происхождение: «оценка (субъективная)—цена—ценность (типическая)». Типическая ценность является как бы «...отверждением некоторого множества свободных цен в оценочную среднюю...»: Цена возникает в случае, когда психический процесс оценки «материализуется» при посредстве менового акта.

Типическая ценность не может быть первичной, так как предполагает так называемое «улавливание всеобщего мнения», и сама по себе нуждается в определенном количестве субъективных оценок, реализовавшихся в цены. «Ценность... — подводит итог Струве, — как нечто отличное от цены, от нее независимое, ее определяющее, есть фантом».

Что касается цены, то Струве также различает два ее вида: цену «вольную», которая возникает путем свободного образования цен, и цену «указную», возникающую при «социальном регулировании цены влиянием власти».

Далее, Струве проводит обширный экскурс в «историческую феноменологию цены» и историческое соотношение двух форм цены: вольной и указной. Здесь Струве проявляет себя как незаурядный экономист-историк, экономист-систематик, его исторические этюды по феноменологии цены поражают своей емкостью. Струве исследует моменты хозяйственной деятельности (или зачатки таковой) в межплеменном общении, на Мадагаскаре, в первых столкновениях европейцев с полинезийцами, древнегерманское, индийское, римское право — список можно продолжать, кажется, до бесконечности.

На основе этого исторического экскурса он делает следующие выводы. Во-первых, вопреки распространенной точке зрения, нет исторического приоритета указной цены над вольной ценой, а наоборот, стихийно слагающаяся вольная цена предшествует указной. Во-вторых, попытки регулирования цен (т. е. «насаждения» указной цены) при любом существующем строе заведомо обречены на неуда-

чу, потому как цена есть «гетерогеническое» явление по своей природе и превращение ее в «автогеническое» явление противостоит ее глубинному содержанию.

По мнению Струве, цена является главной межхозяйственной (а следовательно, и главной экономической) категорией, своего рода базисом межхозяйственных отношений. Поэтому, исследовав в первом томе эту основную категорию, во втором томе Струве выстраивает производные категории — производства, блага, вменения, распределения, дохода (заработная плата, прибыль, процент, рента).

Теория производства

По мнению Струве, *производство* как создание прибавочного продукта не существует ни в одной отрасли, кроме сельского хозяйства (известный постулат физиократов). «Во всех других случаях, — пишет Струве, — кроме случаев вегетативного процесса, может быть речь не о создании прибавочного продукта, а только об образовании прибавочной ценности...». Поскольку «единственную оценку труду может дать цена», «если субъект в результате своей хозяйственной деятельности придает продукту некую дополнительную положительную ценность», его экономическая деятельность «производительна». Рассуждая таким образом, Струве опровергает полностью учение о производительном и непроизводительном труде сторонников трудовой теории ценности (в частности, Маркса).

Пересматривая с позиций критического эмпиризма проблему «производства», Струве приходит к выводу, что «всякая экономическая деятельность всякого хозяйствующего субъекта» стремится получить большее за меньшее, стремится к реализации положительных ценностных разностей. Поэтому «единое экономическое понятие производства — фантом, за которым напрасно гонялась и гоняется экономическая наука». И здесь Струве вводит в анализ категорию *приобретения*, которое, «если его понимать в смысле реализации положительных ценностных разностей, — есть основное верховное понятие». Ведь «производство экономически существенно постольку, поскольку оно учитывается как „приобретение“». Экономический процесс есть всегда процесс приобретения, а производство как материальный процесс существенно для этого экономического процесса, но оно недостаточно для него и не всегда совпадает с ним.

Именно в процессе приобретения происходят оценка блага и образование ценности. Поэтому «...верховным экономическим понятием является именно „приобретение“, предполагающее процесс оценки и понятие ценности, а то, что мы называем производством, есть лишь особая форма или метода „приобретения“, или реализация положительных ценностных разностей».

Но если отказаться от материалистического понимания производства, каким образом определить *продукт*? Струве принимает позицию австрийской школы: понятие «продукта» как вещи заменяется понятием «блага» как носителя определенной полезности или услуги, которым может быть все что угодно. «Хозяйственным благом та или иная „вещь“ или услуга является, поскольку она приобретает цену». Цена для Струве — это своеобразное «клеймо», печать; то, что отмечено «клеймом» цены (или может быть отмечено), является хозяйственным благом. Цена выступает здесь как некая грань, отделяющая «экономическое» от «неэкономического». А так как «...экономическое клеймо цены может быть поставлено решительно на все», то, по Струве, отсюда делается вывод, что «...все может получить цену, другими словами, все может быть продажным». Конечно, в определенном смысле, эта, чисто экономическая, проблема пересекается с определенно морально-этическими соображениями. Здесь Струве утверждает, что если что-либо в нашей жизни еще не оценено (конечно, речь идет о том, что в принципе можно оценить) — это следствие наложения на экономические явления морально-этических соображений общества. В качестве примера Струве приводит общественно презираемые и этически недопустимые, но фактически везде и всегда присутствующие «брак по расчету», проституцию (в этих случаях происходит наложение «клейма цены», а следовательно, и приравнивание к хозяйственным благам «интимнейших проявлений» жизни).

Теория вменения

От благ как таковых Струве переходит к источникам, которые эти блага создают, — к так называемой проблеме *вменения*, и выделяет три вида вменения: 1) *производственное*, 2) *ценностное*, 3) *социально-экономическое*.

Производственное вменение — это отнесение определенного конечного продукта к факторам (труду, капиталу, земле), участвующим в его создании. По мнению Струве, в данной постановке вопроса дифференциальное вменение есть единственно возможное, тогда как абсолютное теоретически невозможно. Действительно, так как некое целое есть результат взаимодействия, допустим, трех факторов, оценить роль одного из них невозможно (просто потому, что отсутствие его означало бы, например, невозможность создания продукта), тогда как оценить *изменение* общего эффекта от *изменения* частного фактора представляется реально осуществимым.

Струве замечает, что не затрагивал бы вообще проблему вменения, если бы «известные экономисты» не переводили бы проблему «простого» производственного вменения в проблему вменения экономического (т. е. ценностного). Сама проблема ценностного вменения

появляется как возможность (в случае ее успешного, «справедливого» разрешения) решения проблемы распределения, т. е. как возможность некоего «дележа» совокупного общественного продукта между различными группами, классами людей, «стоящих за определенными факторами производства».

Струве отмечает, что ценностное вменение понадобилось постольку, поскольку «...выручку и трату объединяет только цена», и полезности и отрицательные (т. е. затраты) могут быть соизмеримы только как цены. Что же тогда такое «ценностное вменение»? На самом деле, объясняет Струве, все просто. За ценностным вменением, да и за вменением вообще (в рамках экономической проблемы), следует понимать «калькуляцию», т. е., в общем смысле, исчисление издержек и доходов. «Калькуляция знает только цены: она отправляется от цен и приходит к ценам. Ничего, кроме цен, — это есть лозунг калькуляции, и таков должен быть лозунг всей реалистической или эмпирической политической экономики».

Теория распределения

Вслед за проблемой вменения Струве исследует проблему распределения, которая логически «вытекает» из первой. Он полностью отвергает расхожее мнение о возможности разделения общественного продукта между классами в зависимости от их участия в производстве или на основе неких социальных предпосылок (а чаще в результате взаимодействия). В основе такого утверждения Струве видит две определяющие предпосылки и, опровергая их, приходит к «...полному отрицанию некоторых традиционных проблем и путей политической экономики».

Сущность первой предпосылки Струве видит в ошибочном утверждении, что «...процесс сложения доходов из цен может быть представлен как процесс деления какой-то массы вещей или ценностей между индивидами или классами <...> то есть как распределение в виде дележа». Но ведь, замечает Струве, делимого как некоего данного в реальной жизни не существует. Общественный продукт есть простое сложение цен, процесс же образования цен — это процесс сложения доходов. Таким образом, «процесс сложения доходов не есть распределение, а есть процесс образования цен...». Социальный же дивиденд слагается из частнохозяйственных доходов, и «вне суммирования частнохозяйственных доходов никакого социального дивиденда вообще не существует».

Прерывая логический ход мыслей автора, заметим, что в экономический анализ вводится категория *дохода*. Что Струве понимает под доходом? Привязывая доход к *цене* как к первичному явлению, Струве выделяет: 1) доходы, получаемые «путем отдачи блага и

получения вознаграждения за него» (так называемые прямые доходы, к которым в основном относится *заработная плата*); 2) доходы, основанные на «реализации ценностных разностей» (так называемые косвенные доходы — *предпринимательская рента* или *прибыль*), 3) «производные доходы» (*процент на капитал* и *владельческая рента*).

Прибыль — это правильный учет и реализация *цен* предпринимателем, в результате чего и возникает положительная ценностная разность. Тем самым формулируется следующий вывод: «...политическая экономия о природе прибыли не может сказать ничего больше, чем скажет правильно составленный бухгалтерский отчет». Из всего вышесказанного видно, что проблемы прибыли и дохода для Струве не главные вопросы, они восходят к проблеме «цена—ценность» и имеют второстепенное значение.

Теперь вернемся к проблеме распределения. Отвергнув первую предпосылку своих оппонентов, Струве останавливается на второй, в основе которой лежит «понятие классов как общественных делений, наперед определяющих дележ продукта и дохода». Здесь Струве говорит, что «социальный класс есть производное понятие дохода» («доход определяет класс, а не класс определяет доход»).

Основополагающим моментом критики «так называемой теории распределения» для Струве является признание невозможности существования «прямого перехода» от факторов производства к процессу ценообразования, которая объясняется принципиальной невозможностью выведения межхозяйственных категорий из явлений «чистого хозяйства». *Цена (межхозяйственная категория) есть данность, все явления взаимодействия хозяйств есть производные цены.*

Отсюда Струве приходит к решающему для проблемы распределения методологическому выводу: «...проблема распределения, как проблема образования доходов из цен, есть <...> проблема не номографическая, а идиографическая».⁹ Принимая цены за данности, которые «вообще нельзя ниоткуда вывести», Струве изначально вводит идиографический момент в экономическую теорию (ведь «данности» есть предмет идиографии). Более того, Струве «расширяет» значение идиографического метода: «...идиография хозяйственной жизни не может ограничиваться одним „категорическим исчислением“, она должна быть расширена до целостного и всестороннего описания жизни экономических атомов — отдельных хозяйств».

⁹ Идиографическая (от гр. *idios* — своеобразный) — направленная на описание конкретных характеристик предмета исследования.

Номографическая (от гр. *nomos* — закон) — направленная на поиск законов, управляющих развитием предмета исследования.

Концепция равновесия

Последняя крупная теоретическая идея П. Б. Струве в рамках его системы политической экономики содержится в статье «Научная картина экономического мира и понятие „равновесия“» (1922).

В основе понятия «равновесия» как закона экономических явлений лежит, по мнению Струве, отождествление экономических соотношений с соотношениями механическими, взятыми из классической механики.

Хозяйственная жизнь составляет из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые определяются мотивом хозяйственного расчета. «„Микроскопически“ действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной, осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок и их окончательных денежных выражений или значений, каковыми являются реализованные, „сделанные“ цены». Хотя эти цены и имеют тенденцию к единству или равновесию, но равновесия эти неустойчивы и подвержены постоянным колебаниям. В рассуждениях же А. Маршалла и Е. Бем-Баверка, по мнению Струве, рынок как бы искусственно а priori рационализируется. В концепции равновесия всего спроса и всего предложения равновесие предполагается достигнутым заранее и ищутся только условия его осуществления. Но реальный рынок это описывает несколько неточно.

«Сложившаяся под обаянием классической механики экономическая концепция „равновесия“ без всякого размышления не только следовала за классической традицией, построившей статику независимо от кинетики, но клала и кладет статику в основу всей экономической теории. Это совершенно не соответствует предмету, или материи экономической науки, материи подвижной и даже текучей, дискретной и прерывной по существу».

Выходом из этого затруднения, по мнению Струве, является «статистификация» экономической теории — все подлежащие определению в каждом конкретном случае индивиды должны быть сосчитаны, сведены в разряды и категории, т. е. в статистически обозримые «совокупности». «Числить же и мерить плодотворно в экономике можно только статистически, и это — как это ни странно — вытекает именно из основного положения новейшей математической экономики о всесторонней взаимозависимости экономических явлений».

В заключение следует отметить, что практически все мысли Струве в этой работе являлись весьма актуальными для экономической науки того времени — и отказ от трудовой теории ценности (а вместе с этим и от марксизма), и определение сферы эконо-

мического анализа (сравните рассуждения Струве о «благее» с теориями Г. Беккера), и доказательство невозможности построения теории распределения (которая была весьма «острым» вопросом в западной и русской науке в то время), и подчеркивание роли социологии в исследовании хозяйства (расцвет экономической социологии начался только в 1980-х гг.).

Но главное достоинство книги Струве — *самостоятельность мысли* этого русского ученого, изложившего *свое* видение теории хозяйства, независимое от каких-либо «столпов» или авторитетов. К сожалению, именно этой самостоятельности часто не хватает русским экономистам в наше время.

Е. Братченко, А. Дмитриев

Петр Бернгардович Струве

(Биографическая хроника)

- 1870, 26 января (7 февраля)** — родился в Перми, в семье губернатора.
- 1879–1882** — семья проживала в Штутгарте.
- 1889** — окончил гимназию и поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, через год перевелся на юридический факультет.
- 1891–1892** — провел семестр в Грацком университете (Австро-Венгрия).
- 1894, апрель** — задержан полицией за связь с народовольцами.
- 1894** — выходит в свет книга Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России».
- 1895** — окончил университет с дипломом 1-го разряда.
- 1896, май** — женится на Нине Александровне Герд, дочери известного педагога, учительнице рабочей воскресно-вечерней школы.
- 1896, август** — вместе с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и А. Н. Потресовым Струве участвует в Международном рабочем социалистическом конгрессе (Лондон).
- 1894–1901** — корреспондент и редактор ряда журналов — «Новое слово» (1894–1897), «Начало» (1899), «Жизнь» (1897–1901).
- 1898** — Струве подготовлен текст «Манифеста Российской социал-демократической партии».
- 1900, декабрь** — с семьей переехал в Мюнхен.
- 1901** — приезд в Россию, но после мартовской демонстрации перед Казанским собором Струве было предписано покинуть Петербург. В Твери, где Струве отбывал непродолжительную административную ссылку, он продолжал свои научные изыскания в области истории хозяйства. Здесь им был составлен сборник статей «На

- разные темы» (СПб., 1902), охвативший десятилетний период творчества.
- 1901, декабрь** — Струве переехал в Штутгарт, где под его редакцией стал издаваться журнал «Освобождение» (1902–1905), ставивший своей целью объединение российской оппозиции на принципах преобразования государственного устройства России.
- 1902–1903** — работа над проектом программы Конституционно-демократической партии.
- 1905, октябрь** — после Манифеста 17 октября Струве возвращается в Россию.
- 1906** — член ЦК партии кадетов.
- 1906–1918** — редактор журнала «Русская мысль».
- 1906** — Струве избирается депутатом Государственной думы и активно участвует в ее деятельности.
- 1906** — приглашен для чтения лекций в Санкт-Петербургский политехнический институт.
- 1913, ноябрь** — в Московском университете Струве защищает магистерскую диссертацию. Выходит в свет первый том монографии «Хозяйство и цена» (СПб. ; М., 1913).
- 1914** — приглашается в Особое совещание по продовольствию, а затем назначается председателем Межведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля.
- 1915, июнь** — выходит из кадетской партии из-за разногласий по национальному вопросу.
- 1916** — Струве был приглашен в Англию для прочтения цикла лекций по экономическому положению в России и избирается почетным доктором права Кембриджского университета.
- 1917, февраль** — в Университете св. Владимира в Киеве защищает докторскую диссертацию. Выходит в свет второй том монографии «Хозяйство и цена» (М., 1916).
- 1917, февраль–май** — назначен директором Экономического департамента Министерства иностранных дел.
- 1917, май** — избирается ординарным академиком Российской Академии наук (исключен в 1928 г.).
- 1917, декабрь** — участвует в генеральских собраниях в Новочеркасске и избирается членом Совета Добровольческой армии.
- 1918, март** — приезжает в Москву, где проживает нелегально, работая над сборником «Из глубины».
- 1918, август** — скрывается в деревне Альятино под Вологдой.
- 1918, декабрь** — нелегально переходит финляндскую границу.
- 1919, январь** — пребывает сперва в Лондоне, а затем в Париже. Адмирал А. В. Колчак назначает Струве членом Парижского совещания.

- 1919, август — принимает приглашение Н. Н. Львова и В. В. Шульгина стать главным редактором ростовской газеты «Великая Россия».
- 1919, лето — был членом Особого совещания при А. И. Деникине.
- 1919, сентябрь — возвращается в Россию.
- 1920, апрель — генерал П. Н. Врангель, правитель Юга России, пригласил Струве на должность начальника Управления иностранных дел.
- 1920, октябрь — окончательно покидает Россию.
- 1921, май — участвует в Съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже, где выступил с речью «Итоги и существо коммунистического хозяйства».
- 1922, май — поселился в Праге, где принял активное участие в основании Русского юридического факультета, стоявшего под протекторатом Пражского Карлова университета.
- 1925–1927 — редактирует газеты «Возрождение» и «Россия», возобновляет издание «Русской мысли».
- 1928–1932 — участвовал в руководстве газетой «Россия и славянство».
- 1928, апрель — переселился в Белград, где занимался научной работой в составе Русского научного института. Готовит переиздание монографии «Хозяйство и цена» и работает над фундаментальным трудом «Социальная и экономическая история России», который он так и не закончил. Живя в Белграде, он выезжал в Париж и Лондон для работы в библиотеках. Читал курс социологии в университетах Белграда и Субботицы.
- 1941 — во время нацистской оккупации Югославии Струве арестовали и увезли в Грац.
- 1942, июнь — после освобождения Струве получил разрешение переехать в Париж, где работал до последних дней.
- 1944, 26 февраля — Струве скончался.

А. Л. Дмитриев